

84/2=632.116

Ш-С-24

СОВРЕМЕНИК

НОВИНКИ · СОВРЕМЕНИКА ·

ИВАН ШИНЖИН

ВЫСОКАЯ
ВЕСНА

Иван Шинжин

**Высокая
весна**

Стихи

Перевод с алтайского

Москва · 1978

24(2-632.1)6-5

С (Сиб)
Ш624

301909 ✓✓

Горно-Алтайская
областная
БИБЛИОТЕКА.

Шинжин И.

Ш62 Высокая весна. Стихи. Пер. с алтайск.
М., «Современник», 1978.

63 с. (Новинки «Современника»).

В вып. дан. авт.: Шинжин Иван Баксурович.

Стихи алтайского поэта Ивана Шинжина пронизаны любовью к людям, к природе, ко всему окружающему миру с его заботами, радостями и тревогами.

Поэт, для которого военная пора совпала с годами детства, остро чувствует время. Он хранит в душе память о прошлом, память о павших. В стихах И. Шинжина — глубокий оптимизм думающего человека, живущего делами и заботами нашей Родины.

Ш $\frac{70403 - 130}{M106(03) - 78}$ 224 — 78

С (Сиб)

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННОК», 1978 г.

5-ШИБ-ВВ

Здравствуй,
утро!

Прозвенел над горною грядою
Первый луч.

А воздух чист и свеж.

Здравствуй,
Здравствуй, утро голубое —
Утро новых песен

и надежд!

Я ль не верил:

сумерки не вечны! —

И они ушли в небытие.

Здравствуй!

Я приветствую сердечно

Светлое явление твое.

Пусть на плечи

новые заботы

Лягут грузом —

не отрину их —

Мне нельзя ни часа

без работы,

Без обычных

срочных дел моих.

Добрый будет день

по всем приметам.

Солнце поднимается в зенит.

Здравствуй, утро!

У меня с рассветом

В сердце песня новая звенит.

Подхватили ветры,
заиграли

Эту песню

скалам, кедрочам...

Вот и солнце встало над горами —

Светлое начало всех начал.

Земля,
где я вырос

Земля, где я вырос, до малого камня
Близка мне,
До былинки последней,
До каждой пылинки близка.
...Здесь когда-то впервой,
Оттолкнувшись несмело руками
От земли,
Я поднялся
И увидел вдали облака.
К ним бежала дорога,
Взбираясь на гору покато.
По окрайкам ее
Рос маральник,
Качался душистый чебрец.
По дороге отара
Неспешно пылила куда-то.
Сзади — всадник-чабан.
По осанке признал —
Мой отец.
У аила увидел я
Маму свою и сестренку.
И спящее солнце
Над очень далеким гольцом.
И, не зная чему,
Рассмеялся я радостно, звонко
И несмело шагнул,
Порываясь идти за отцом.

Тоже в даль,
Тоже к солнцу
По этой дороге покатой
К сахаристым белкам,
К родникам
и студеным ручьям

И к кедровкам,
Снующим с зари до заката
По алтайской тайге,
По глухим кедрочам.
И морозами жжен
И дыханьем жары опаленный,
На себе испытанный
В военное детство беду,
С той поры я иду.
Но не как созерцатель влюбленный —
Открывателем тайн
И строителем счастья иду.
И делами высокими
Каждый свой шаг знаменую;
Оставляю дороги,
Заводы,
Мосты,
Города.
Я забочусь о том,
Чтобы землю,
до боли родную.
И прекрасной
И мирной
Потомкам своим передать.

Навечно

Пусть солнце
С высоты порой не греет,
Пусть месяц
Тускло освещает путь,
Но сердце
От любви к тебе немеет,
И теплая волна сжимает грудь.
Гляжу на цепи гор —
На цепи эти,
Которыми прикован я к тебе,
Я кедрами люблюсь на рассвете,
А корни их —
Они в твоей судьбе.
В моей судьбе!
В годину испытаний
Ты матерью мне ласковой была.
Во дни разлуки
И во дни свиданий
По верному пути меня вела.
Лихое время грянет! —
я с тобою.

В целебных реках
грозная вода

Умчит меня
К соленому прибою,
В бои умчит.
Я понял навсегда:

Что эти цепи гор —
Такие цепи,
Которыми прикован я к тебе.
Что корни кедров
Оплели навеки
Мою судьбу
В твоей большой судьбе.

Горное
эхо

Когда
в горах родных
стою —

Душа
С печалью
расстается...

Я песню
Звонко запою,
И эхо
Песней
отзовется.

Но странный голос
Донесет
Не тот напев,
что создан мною,

А песню ту,
Что мой народ
Здесь пел
С печалью
вековою.

Стою среди знакомых
скал

И слышу
Гул громад
кремнистых.

Когда-то
Прадед мой
стоял

На этих кручах
Каменистых.

Он пел
О жизни

и нужде

Народов
Горного Алтая...

Доносит эхо

Песни те,

Забытым

душу наполняя.

Сегодня —

Сын страны

родной —

Пою я

О труде и мире.

Разносит эхо

Голос мой

В горах все громче

и все шире.

На могиле партизана

У Катунь,
На скалистом склоне
Есть могила старая одна.
Здесь когда-то
В страшной обороне
На поверку встала тишина.
Вечная.

Горючие березы
Смотрят вниз,
Где катится вода.
И роса на листьях —
Будто слезы,
Что не могут высохнуть года.
Как он плыл
И выползал на камни
В тот далекий
Горестный июнь,
Как планету
Обхватил руками,
Говорит мне бурная Катунь.
Как друзья-товарищи угрюмо
Принесли его
На скальный склон,
Как металась
Клятвенная дума
В каждом,
Для кого старался он, —

Говорит река.

Деревья встали

В свой почетный,

мирный караул.

Золотые звезды засияли

Над землей,

В которой он уснул.

Днем и ночью,

И зимой и летом,

Поднимись на склон —

увидишь ты,

Как на камне

Самым теплым цветом

Полыхают свежие цветы.

Стланик

Кедровый стланик цепок и колюч.
Он все заполнил на перевале.
Немало облаков
И сизых туч
Об этот стланик
Платья изорвали.
Немало в нем увязло навсегда
Косматых вихрей,
Черных ураганов.
Об этом знает горная гряда,
Об этом помнят скалы-великаны.
Но стланик не возносится совсем
И никогда
Не метит в исполины.
Пусть он всегда
На главной полосе —
Он не стремится в тихие долины.
Он, заслоня щебет птичьих гнезд,
Встречает первым грозы
И ненастья,
Оберегает молодой подрост
И в этом видит собственное счастье.
И знаю я,
Вот здесь,
На высоте —
Труднодоступной,
Гордой,
Нелюдимой —

Всегда,
Как будто сказочный Антей,
Берет он силы у земли родимой.
Как на него похож ты,
Мой народ, —
На этого жильца высокогорий!
Из года в год
С природой в вечном споре
Он силы у земли своей берет.

Судьба

Говорят,
Что я родился с криком.
И сказали люди:
— Быть ему
В жизни и счастливым
И великим.
Это сразу видно по всему.—
А старухи,
Что в соседстве жили —
Судеб предстоящих толмачи,—
Заявили,
Словно предрешили:
Станет он батыром
Иль кайчи¹.
Мама поправляла одеяло,
И не прятал радости отец.
И расти мне, значит, предстояло
В окруженье
Любящих сердец.
...А в аиле
Дым клубился синий.
И хотя всю оцаг горел,
На полу лежал колючий иней,
Были стены в снежном серебре.
Дым виною
Или злая стужа —
Я не знаю.

¹ Кайчи — исполнитель национального горлового пения.

Как и все сородичи,
Теперь я
Стал вершителем своей судьбы.
Знаю,
Что Грядущее прекрасно,
Что светлым-светла судьба моя.
И готов кричать я громогласно:
— Я живу! —
А значит — счастлив я. !

Алтайские кони

Алтайские кони —
Горячие кони.
Их даже и сокол
Вовек не догонит.
Ему не угнаться за ними —
устанет.

От них даже беркут
Могучий отстанет.
Им горы —
не горы —
промчат,
не заметят.

В их гривах косматых
Запутался ветер.
Глаза их сияют,
Как полные луны...
Наездники смелы,
Наездники юны.
Летят — занимать им
Не надо уменя.
Сверкают подковы,
Звенят о каменья.
Быстрейшему приз,
Как всегда, предназначен.
А финиш чертою
Веков обозначен.

Письмо брату

Я получил письмо твое,
Пришла
Мне наконец-то
Весточка от брата!
Ты сетуешь,
Что служба тяжела
И жизнь однообразна у солдата.
Что ты скучаешь по родным местам
И думаешь о них светло и свято.
И заключаешь:
«Напиши мне там
На нашем языке стихов десяток.
Про наш Алтай прекрасный сочини,
Про наши горы
И про наши реки.
Я их прочту товарищам.
Они
Не слышали алтайского вовеки...»
Легко сказать!
Попробуй напиши,
Не просто зарифмуй,
А так,
Чтоб было
В них что ни слово —
Только от души,
Что ни строка —
Чтоб, как стрела, разила.

А я хочу тебе сказать,
Байрым,
И это будет истина святая,
Не числюсь я ни первым,
Ни вторым
В ряду поэтов Горного Алтая.
Я просто рядовой боец,
Как ты,
Иду в строю, и путь мой тоже труден.
Не мне судить,
Достигну ль высоты:
Об этом скажут люди.
Только люди.
Они решат, признать
Иль не признать.
А я все жду,
Волнуюсь на пороге:
Когда же вдохновенье-старшина
Опять меня поднимет по тревоге,
Заставит вновь склониться над столом
В любое время,
При любой погоде,
Прикажет мне писать стихи светло
О Родине,
О Долге,
О Народе.
И подчинюсь ему я в тишине:
Начну писать,
Упорно строки править.
Лишь только бы
Как можно дольше мне
Не прозвучал его приказ:
«Отставить!»
...Вот так, Байрым,
А за стихи — прости,
Их нет пока.

И ты по братской дружбе
Возьми и это вот письмо прочти
Своим друзьям-товарищам по службе.

А я хочу тебе сказать,
Байрым,
И это будет истина святая,
Не числюсь я ни первым,
Ни вторым
В ряду поэтов Горного Алтая.
Я просто рядовой боец,
Как ты,
Иду в строю, и путь мой тоже труден.
Не мне судить,
Достигну ль высоты:
Об этом скажут люди.
Только люди.
Они решат, признать
Иль не признать.
А я все жду,
Волнуюсь на пороге:
Когда же вдохновенье-старшина
Опять меня поднимет по тревоге,
Заставит вновь склониться над столом
В любое время,
При любой погоде,
Прикажет мне писать стихи светло
О Родине,
О Долге,
О Народe.
И подчинюсь ему я в тишине:
Начну писать,
Упорно строки править.
Лишь только бы
Как можно дольше мне
Не прозвучал его приказ:
«Отставить!»
...Вот так, Байрым.
А за стихи — прости,
Их нет пока.

И ты по братской дружбе
Возьми и это вот письмо прочти
Своим друзьям-товарищам по службе.

А я хочу тебе сказать,
Байрым,
И это будет истина святая,
Не числюсь я ни первым,
Ни вторым
В ряду поэтов Горного Алтая.
Я просто рядовой боец,
Как ты,
Иду в строю, и путь мой тоже труден.
Не мне судить,
Достигну ль высоты:
Об этом скажут люди.
Только люди.
Они решат, признать
Иль не признать.
А я все жду,
Волнуюсь на пороге:
Когда же вдохновенье-старшина
Опять меня поднимет по тревоге,
Заставит вновь склониться над столом
В любое время,
При любой погоде,
Прикажет мне писать стихи светло
О Родине,
О Долге,
О Народе.
И подчинюсь ему я в тишине:
Начну писать,
Упорно строки править.
Лишь только бы
Как можно дольше мне
Не прозвучал его приказ:
«Отставить!»
...Вот так, Байрым.
А за стихи — прости,
Их нет пока.

**И ты по братской дружбе
Возьми и это вот письмо прочти
Своим друзьям-товарищам по службе.**

Я видел
однажды

Я видел однажды,
Как кедр корчевали
Могучим бульдозером.
И охали дали,
И громко кедровка
Кричала за озером.
Стонали,
Качались
Не дальние кедровки,
А рядом стоящие.
Я понял,
Что эти деревья —
Друзья настоящие.
Я понял,
Что кедровки
Не только плечами
Друг друга касаются:
Их крепкие корни
Под коркой земною,
Как руки,
В пожатии вечном
Сплетаются.

Музыка

У дальних гор
Забрезжил
 свет зари.
Еще кругом
Дыхание
 ночное,
Но чувствую,
Как музыка
 парит,
Рождая день
Над спящею землею.
Встречает солнце
Утренний Алтай.
Росой умыты
Синие
 пригорки.
В логу
Сверкают молнией
 литовки,
И ветерок
Доносит
 песий лай...
А солнце
Поднялось
 над цепью гор
И шлет лучи
В долины и овраги.

Время

Мой иноходец верный —
время

Меня в грядущее несет.
Нога моя вонзилась в стремя,
И сердце голос подает.

По неизведанной дороге
Вперед отчаянно лечу.
Я не хочу терять тревоги,
Остановиться не хочу!

А позади —
сады и горы,
Мой город и мои дома.
Мой иноходец мчится споро
Сквозь годы,
бури
и грома.

А позади —
леса и реки,
И с горизонтом путь мой слит,
И все, что вечно в человеке,
Со мной в грядущее летит.

Мой иноходец верный —
время!

Время

Мой иноходец верный —
время

Меня в грядущее несет.
Нога моя вонзилась в стремя,
И сердце голос подает.

По неизведанной дороге
Вперед отчаянно лечу.
Я не хочу терять тревоги,
Остановиться не хочу!

А позади —
сады и горы,
Мой город и мои дома.
Мой иноходец мчится споро
Сквозь годы,
бури
и грома.

А позади —
леса и реки,
И с горизонтом путь мой слит,
И все, что вечно в человеке,
Со мной в грядущее летит.

Мой иноходец верный —
время!

Опять,
 опять крутой подъем!
И под ногою гнется стремя,
А впереди светло, как днем.

Встречай,
 иное поколенье,
Но не разнуздывай коня!
Мое заветное стремленье
Несет в грядущее меня.

Баллада о чабане

Искал овец

Седой чабан

В крошечном

вихре

Непогоды...

Стонал

и выл

в горах

Буря,

Срывая с круч

Куски породы.

Два дня,

безмолвный,

Словно тень,

Старик

сквозь бурю

Лез по скалам...

Лишь к вечеру

На третий

день

Пришел домой

Чабан

усталый.

Неумолкающий

буря,

Как лютый враг,

Стучался

в двери.

Овец
 все больше
Год от году.
Но мне
Доверил их
 народ.
Как я взгляну
В глаза
 народу?
Скажу,
Буран, мол, виноват, —
Да и на этом
 успокоюсь?
Пойми,
Мне люди все простят,
Но не простит
 пропажи —
Совесьть!..

* * *

Старик
Уснул тревожным
 сном.
Но и во сне
Он видел
 скалы, —
Где буря
Снежным помелом
Его
Усталого
 хлестала.
Он слышал вновь
Зверинный
 вой
Рассвирепевшего
Бурана,

Во сне
 знакомую
 тропой

Взбираясь в горы

Неустанно...

Всю ночь

Метался

Как в бреду...

Но вот —

В окне

Рассвет

 неспешный.

Старик

Взял посох,

Взял еду

И вновь

 шагнул

В буран кромешный.

Летел

 в лицо

Сыпучий снег.

Бил в грудь

Наотмашь

Вихрь

 морозный.

Но шел

Упрямым

 человек

Искать

 в горах

Овец колхозных.

Он молча

Кручу

 обогнул,

Прошел

Долиной,

И утонул седой чабан
В лавине снежного обвала.

* * *

К утру
Исчезли
 облака.

А бури —
Словно не бывало.

Заря —
Прозрачна
 и легка —

Вершины
Светом
 заливала.

Горела ясная она,
В колокола свои
Звонила.

И лишь
 седого
 чабана

В горах
Заря не разбудила.

О жизни
Люди говорят —
Его я вижу
 рядом с нами.

И выше всех
 его наград

Заря
Над отчими горами.

Наверно, это
У меня в крови —
Пришло из тридесятого колена:
Я знать хочу
Все травы поименно.
Еще хочу
Всех птиц я непременно
Повсюду узнавать по голосам.
Наверно, это
От моей любви
К родным горам
И к сумрачным лесам,
К природным катаклизмам,
К чудесам.
Наверно, это у меня в крови.
И знать еще хочу я,
Почему
Так названы вершины
И долины,
Откуда свой исток
Берут былины
И где предел незнанию моему.

Как начнется
 Весна
 на Алтае —
 Запоют
 Свои песни
 скворцы
 И, с высоких отрогов
 Сбегая,
 Ручейков
 зазвелят
 бубенцы.
 Зацветет золотисто
 Саранка,
 Засияет
 трава
 на лугу...
 Я в окошко
 взгляну
 Слезаранку
 И восторга сдержать
 Не смогу.
 Выйду слушать
 Весенние
 звуки,
 По которым
 Давно заскучал.
 В эту зиму,
 с тобою в разлуке,

Я от грусти
Немного устал.
Я продрог
От метели плакучей,
От сугробов

седых

За окном.
Скоро землю
Весенние

тучи

Освежат
Долгожданным

дождем.

И тогда,
Принимаясь за дело,
Пам с небес
Улыбнется

весна,

Чтоб любая душа

посветлела,

Отряхаясь
От стужи

и сна.

Чтоб нигде

на земле

Не осталось

Ни зимы,

ни ее мерзлоты.

Чтобы вновь мы с тобой

Повстречались,

Чтобы вновь

улыбнулась мне ты.

Утро ясное и росное
В голубом моем краю.
Льется песня проголосная —
Сенокосчики поют.
И лихая,
И задорная
Вьется песня в вышине.
И заучивает горное
Эхо
Песню в тишине.
И к какому это празднику
Так старается оно?
Безответному проказнику
Плач иль песня —
Все равно.
Вдруг ему зимой захочется —
И когда-нибудь с зари
Эхо прилетит в урочище
К нам,
Чтоб песню повторить.
И припомнится нам росное
Утро в голубом краю
И вот эта проголосная
Песня,
Что сейчас поют.

Опускается вечер,
Засыпают цветы.
Скоро скалам на плечи
Ляжет слой темноты.
Но цветы не погаснут —
До рассвета почти
Безмятежно
И ясно
Будут в небе цвести.

Месяц

Стал на перевале на постой
Месяц золотисто-золотой.
Ясный месяц с гордой вышины
Навевает людям чудо-сны.
Сны-мечты
И даже сказки-сны
Навевает он из тишины.
Скоро утро.
Не плыви,
Постой,
Месяц золотисто-золотой!
Не катись ты коlobком с гольца,
Дай мне сон увидеть до конца.
Сон о детстве,
Где в глухой ночи
Песня колыбельная звучит
И сияет надо мной венцом
Мамино родимое лицо.

На горном лугу,
Где трава высока,
Пасутся не овцы сейчас —
Облака.
Не смяв ни травинки на нем,
Ни цветка,
Совсем осторожно бредут облака.
И смотрит на них с высоты сквозь туман
Гора одинокая —
Вечный чабан.
Вот дальние горы отходят ко сну.
Не спится пока одному чабану.
У самой вершины —
полоска зари.

А кажется,
Трубку чабан раскурил.
Не спится ему —
Рановато пока:
Еще не совсем улеглись облака.

Песня ветра

Я слышу,
Как ветер запел под луной,
Таинственный,
Тихий,
Ночной.
Сначала вздохнул
Высоко надо мной,
Потом засвистел,
Озорной.
О вешних вершинах,
О власти весны,
О вечной ее красоте.
О том, что у юности
Коротки сны,
О самой заветной мечте.
Поет, что не вечна весна,
А потом
Зеленое лето придет.
Что ливень промчится
Над темным хребтом
И пыль на дорогах прибьет...
А горы и звезды
Внимают ему,
И пляшет под песню огонь.
И парень,
Не зная зачем, почему,
Свою растревожил гармонь.

Роняют светло
Голоса журавли
На камни, леса и пески.
Согретые соками вешней земли,
Кедровые встали ростки.
А я одиноко стою у крыльца,
И что-то тревожно в груди
От ранней весны
И от ветра-певца,
От лета,
Что ждет впереди.

Степь

Степь,
миражные дали
и пыль.
Монотонный пейзаж
да жара.
Лишь устало склонился
ковыль.
Ни куста,
ни кола,
ни двора.

Бесконечен,
медлителен путь.
Ни людей,
ни зверья,
ни воды.
Учащенно
колышется грудь,
Позади —
только наши следы.

Но на краешке
скудной земли,
Под горячей
и смуглой рукой,
Это что там
сверкает вдали?
Это озеро!
Синий покой!

Не напрасны
и наши труды!
Мы песчаную
сплунем крупу.
Мы пополним
запасы воды
И потом одолеем
тропу.

Только грозный
и дьявольский страж —
За сухой
и соленой чертой —
Растворяется
синий мираж,
Над песками
сгущается зной!

Вековые взыграли
ветра,
И качаются
пыли столбы.
Мы забыли,
что было вчера,
Мы от зноя и пыли
седы.

Только вера
под сердцем
живет:
Где-то будет
студеный родник.
Там чабан смуглолицый
живет,
Он к степи,
словно к дому, привык.

Заночуем.

И тронемся в путь.

И опять

встрепенется ковыль...

Учащенно

колышется грудь.

Степь,

миражные дали

и пыль.

Нынче рано пришли холода.
Над туманами солнце,
Как снится.
Покраснели поля и вода,
Как бегущая в горы лисица.
Постепенно грустнеют друзья,
Крепнет ветер
И листья краснеют.
И туда возвратиться нельзя,
Где тебе улыбнуться не смеют.
Над хребтами
Взошла тишина.
Отлетают последние птицы...
Молодая моя сторона,
Что тебе в эту зиму приснится?
Я раздую очаг из углей,
Средь урочищ
И дымчатой дали.
И дождусь зоревых журавлей,
Тех, что нынче
С тобой провожали.

Птицы

По осеннему небу привычно,
Взяв на юг
Свой извечный маршрут,
С расставальной песней обычной
Перелетные птицы плывут.
Проплывают,
Крылами качая,
Вспоминая веселые дни.
И в торжественной этой печали
Величаво красивы они.
Улетают они не навечно.
Вот вернутся опять по весне,
И тогда
С новой песнею встречной
Будут птицы красивы вдвойне.

В каждую осень

Улетают мои журавли —
Это годы мои улетают.
Улетают.
И в синей дали
За вершинами горными тают.
Запоздалый проносится клин
Торопливо,
Предзимье почуя.
— Неба чистого вам,
Журавли! —
Им вослед из долины кричу я.
Пусть для вас по дороге теплы
Будут всюду озерные чаши.
И пускай никакие стволы
Не вздымаются в сторону вашу.
Улетают мои журавли,
За вершинами горными тают..
Вот и зимние тучи пришли,
С плеч снежинки на землю сметают.
И земля наряжается в шелк
Бело-белый,
Как платье невесты.
Только трубные клики еще
Все плывут, как забытые вести.
Или горное эхо сюда
Журавлиные трубы доносит?
...Почему-то со мною всегда
Так случается
В каждую осень.

Они сегодня
Держат над собой
Высокое
Таинственное пламя,
Что согревает
Только нас с тобой.

Я хотел бы обернуться ветром,
Чтобы в дом влететь твой незаметно,
Я хотел бы
Дымом можжевела
В комнате твоей витать несмело.
Я хотел бы
Книгой стать.
Но только
Самою любимую — настольной,
Чтобы ты прочла ее до строчки
И потом запомнила до точки.

Закат

По узкой дороге,
Бегущей к Чибиту,
Мы шли на закате.
И ты мне сердито
Твердила,
Что время настало прощаться.
Твердила,
Что лучше пока не встречаться.
Заняться туризмом,
Стихами,
Наукой
И первое чувство
Проверить разлукой.
...И вот мы в разлуке.
А дни —
Как недели.
Неужто не встретимся мы?
Неужели
Закат на Чибитской дороге когда-то
Для первого чувства
Был вечным закатом?
А мне-то казалось...
А мне-то казалось...
Но все оказалось
Не так,
Как казалось.
А все оказалось,

Я хотел бы обернуться ветром,
Чтобы в дом влететь твой незаметно.
Я хотел бы
Дымом можжевела
В комнате твоей витать несмело.
Я хотел бы
Книгой стать.
Но только
Самою любимую — настольной,
Чтобы ты прочла ее до строчки
И потом запомнила до точки.

Закат

По узкой дороге,
Бегущей к Чибиту,
Мы шли на закате.
И ты мне сердито
Твердила,
Что время настало прощаться.
Твердила,
Что лучше пока не встречаться.
Заняться туризмом,
Стихами,
Наукой
И первое чувство
Проверить разлукой.
...И вот мы в разлуке.
А дни —
Как недели.
Неужто не встретимся мы?
Неужели
Закат на Чибитской дороге когда-то
Для первого чувства
Был вечным закатом?
А мне-то казалось...
А мне-то казалось...
Но все оказалось
Не так,
Как казалось.
А все оказалось,

А все оказалось
Сложнее,
Труднее
И горше, пожалуй.
И вот я иду
По Чибитской дороге
В печальном раздумье,
В тоске и тревоге.
Письмо твое снова
И снова листаю,
Как будто страницы былого
читаю.

Ты пишешь:
«Жалею,
Что сон затянулся.
Теперь я проснулась...»
Но я не проснулся!
Я все еще в том
Состоянии странном:
Все кажется светлым таким,
Безобманным.
Восторженно высвистам
Птичьим внимаю.
...И только порою
Я вдруг понимаю:
Закат на Чибитской дороге когда-то
Для светлого чувства
Был первым закатом.

Что ты, вестер,
Чего-то пророчишь,
Навеваешь мне из забвения?
...Я не знаю,
В каком из урочищ
Затерялась подруга моя.
Та,
С которой мы вместе бродили
И встречали когда-то рассвет,
Та,
С которою нас разделили
Пропасьть взглядов
И взлобины лет.
Ну, а все же —
И нынче не скрою —
Память ею бывает больна.
Может быть,
Для кого-то зарею
Негасимую стала она.
Может, в быт окунулась,
Как в омут,
Может, в чем-то ей
Не повезло.
Все могло быть совсем по-иному.
Но сложилось
Не так, как могло.
А судьба за пределами строчек
Этих
Ходит сама не своя.

...Что ты, ветер,
Чего-то пророчишь,
Навевашь мне из забвения?

Из «Оймонской
тетради»

1

Синий дым
Или синий туман полонил
Всю долину Усть-Коксы
От края до края.
Словно здесь
Кто-то синьку
Развел и разлил
И не может стереть ее,
Как ни стирает.
Даже утром туман
Здесь всегда иссиня,
Росы синие
В синие травы ложатся.
И Усть-Кокса,
Понятно теперь для меня,
Устье сини —
Иначе не может и зваться.

2

Тюнгур —
В переводе с алтайского —
Бубен.
Но бубна-то здесь
Днем не сыщешь с огнем.
И даже преклонного возраста люди
В давнишние годы
Забыли о нем.
Гадалки,
Шаманы...

Да были ль на свете
Такие когда-то?
Понять не могу...
Тюнгур.
Лишь село под названием этим
Лежит на катунском
Крутом берегу.

3

Долина Оймона
Просторно легла.
Долина Оймона
Тиха и светла.
Здесь что ни гора —
То легенда, то быль.
Здесь что ни ущелье —
Начало судьбы.
Здесь что ни тропа —
То начало пути,
Пути, по которому
К счастью идти.

4

Я знаю,
Нередко бывают в Тюнгуре
Громливые грозы,
Блудливые бури.
И в них не увидишь
Ни дымки,
Ни сини,
Как будто бы не было их
И в помине.
Тогда испытаеть
На собственной шкуре,
Какая она
Непогода в Тюнгуре.

Здесь когда-то предки кочевали.
 Под открытым небом ночевали.
 На поляне песни запедали
 Или состязанья затевали.
 Здесь учили сыновей и внуков
 Скачке на коне,
 Стрельбе из лука,
 Приучали их,
 Коль время было,
 Ставить и снимать свои аилы.
 Но кончался отдых.
 Вновь дорога
 Их вела вдоль горного отрога.
 Или вовсе уводила в горы
 К солнцу —
 На альпийские просторы.
 ...Здесь когда-то предки кочевали.
 Их следы найду теперь едва ли.
 Со стрелой вошел уже навечно
 В пласт земли железный наконечник.

Люблю я песни старины.
 В них много древней новизны.
 Коль не запомним их,
 Они
 Уйдут навек в былые дни.
 Их спрячет где-то старина,
 И пропадет их новизна.

Песню колыбельную
 Пели ветры гор.
 Пели песню юности
 Тоже ветры гор.

Да были ль на свете
Такие когда-то?
Понять не могу...
Тюнгур.
Лишь село под названием этим
Лежит на катунском
Крутом берегу.

3

Долина Оймона
Просторно легла.
Долина Оймона
Тиха и светла.
Здесь что ни гора —
То легенда, то быль.
Здесь что ни ущелье —
Начало судьбы.
Здесь что ни тропа —
То начало пути,
Пути, по которому
К счастью идти.

4

Я знаю,
Нередко бывают в Тюнгуре
Громливые грозы,
Блудливые бури.
И в них не увидишь
Ни дымки,
Ни сини,
Как будто бы не было их
И в помине.
Тогда испытаешь
На собственной шкуре,
Какая она
Непогода в Тюнгуре.

Здесь когда-то предки кочевали.
 Под открытым небом ночевали.
 На поляне песни запедали
 Или состязанья затевали.
 Здесь учили сыновей и внуков
 Скачке на коне,
 Стрельбе из лука,
 Приучали их,
 Коль время было,
 Ставить и снимать свои анлы.
 Но кончался отдых.
 Вновь дорога
 Их вела вдоль горного отрога.
 Или вовсе уводила в горы
 К солнцу —
 На альпийские просторы.
 ...Здесь когда-то предки кочевали.
 Их следы найду теперь едва ли.
 Со стрелой вошел уже навечно
 В пласт земли железный наконечник.

Люблю я песни старины.
 В них много древней новизны.
 Коль не запомним их,
 Они
 Уйдут навек в былые дни.
 Их спрячет где-то старина,
 И пропадет их новизна.

Песню колыбельную
 Пели ветры гор.
 Пели песню юности
 Тоже ветры гор.

Пели провожальную,
Пели и походную,
Пели величальную,
Пели и отходную
Тоже ветры гор.

8

Здесь каждая речка
Тиха иль дика —
В поэме Катуня
Всего лишь строка.

9

Я видел в Тюнгуре,
Я слышал в Тюнгуре,
Как старый алтаец
Играл на топшуре
И пел.
Улетали,
Сердца окликаая,
Глубокие звуки
Забытого кая.
— О чем эта песня? —
Спросил я мужчину.
— О том,
Что отары
Спустились в долину,
О том,
Что склоняется
Солнце устало,
О том,
Что пора
Для свиданий настала.

...И снова

И снова, как будто впервые,
Брожу и слежу допоздна,
Как быстро чехлы снеговые
Снимает с деревьев весна.
Как быстро зима отступает
К далеким туманным белкам
И как снеговые припай
Ломают горянка-река.
Ломают,
Несет на спине их,
О каменный берег круша.
И горная дымка синее,
И первые листья шуршат.
И снова поется поэтам
И днем,
И в полуночной мгле
О самом хорошем на свете,
О самом святом на земле.

Содержание

Здравствуй, утро! <i>Перевод Г. Володина</i>	3
Земля, где я вырос. <i>Перевод Г. Володина</i>	5
Навечно. <i>Перевод А. Павлова</i>	7
Горное эхо. <i>Перевод А. Ревенко</i>	9
На могиле партизана. <i>Перевод А. Павлова</i>	11
Стланик. <i>Перевод Г. Володина</i>	13
Судьба. <i>Перевод Г. Володина</i>	15
Алтайские кони. <i>Перевод Г. Володина</i>	18
Письмо брату. <i>Перевод Г. Володина</i>	19
Я видел однажды. <i>Перевод Г. Володина</i>	22
Музыка. <i>Перевод А. Ревенко</i>	23
Время. <i>Перевод А. Павлова</i>	25
Баллада о чабане. <i>Перевод А. Ревенко</i>	27
«Наверно, это...». <i>Перевод Г. Володина</i>	34
«Как начнется...». <i>Перевод А. Ревенко</i>	35
«Утро ясное и росное...». <i>Перевод Г. Володина</i>	37
«Опускается вечер...». <i>Перевод Г. Володина</i>	38
Месяц. <i>Перевод Г. Володина</i>	39
«На горном лугу...». <i>Перевод Г. Володина</i>	40
Песня ветра. <i>Перевод А. Павлова</i>	41

«У ночи черные глаза...». Перевод А. Павлова	43
Степь. Перевод А. Павлова	44
Осень. Перевод А. Павлова	47
Птицы. Перевод Г. Володина	48
В каждую осень. Перевод Г. Володина	49
«Вот снова я...». Перевод А. Павлова	50
«Я хотел бы обернуться ветром...». Пе- ревод Г. Володина	52
Закат. Перевод Г. Володина	53
«Что ты, ветер...». Перевод Г. Воло- дина	55
Из «Оймонской тетради». Перевод Г. Володина	57
...И снова. Перевод Г. Володина	61

Иван Баксурович Шнижкин

ВЫСОКАЯ ВЕСНА

Стихи

Редактор **В. Бояринов**
Художник **Н. Стасевич**
Художественный редактор **Н. Егоров**
Технический редактор **Н. Децко**
Корректор **Н. Николасва**

ИБ № 1173

Сдано в набор 9/XII-77 г. Подписано к печати 18/IV-78 г. А09370. Формат изд. 79×90/32. Бумага тип. № 1. Печ. л 2,0. Усл. печ. л. 2,34. Уч.-изд. л. 2,11. Тираж 10 000 экз. Заказ 7229. Цена 30 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Рязанская областная типография
390012, Рязань, Новая, 69/12

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. возврата

Сух. тип. № 7 10226 + 1000000.

В поэзии Ивана Шинжина нашли свое отражение и богатая природа Алтайского края, и самоотверженный труд земляков, и размышления о судьбах современников.

Поэт идет по жизни уверенной поступью человека, для которого каждый день становится днем новых начинаний и свершений.

С любовью говорит И. Шинжин о родной земле, о земле своих дедов и прадедов. Когда поэт сравнивает прошлое и настоящее, становится виден путь, пройденный алтайским народом, и Великий Октябрь на этом пути — величайшее из свершений.